

Пока в стране бушевали революции, формировались новые философские школы, культурные направления и социалистические учения, Владимир Ольденборгер занимался своим делом – снабжал Москву питьевой водой. Вот, что написал Александр Солженицын, Нобелевский лауреат по литературе 1970 года, в своей самой знаменитой книге «Архипелаг ГУЛАГ» о Владимире Ольденборгере:

«Владимир Ольденборгер тридцать лет проработал на московском водопроводе и стал его главным инженером видимо еще с начала века. Прошел Серебряный Век искусства, четыре Государственных Думы, три войны, три революции - а вся Москва пила воду Ольденборгера. Акмеисты и футуристы, реакционеры и революционеры, юнкера и красногвардейцы, СНК, ЧК и РКИ - пили чистую холодную воду Ольденборгера. Он не был женат, у него не было детей, во всей жизни его был - только этот один водопровод. В 1905 году он не допустил на водопровод солдат охраны - "потому что солдатами могут быть по неловкости поломаны трубы или машины". На второй день февральской революции он сказал своим рабочим, что революция кончилась, хватит, все по местам, вода должна идти. И в московских октябрьских боях была у него одна забота: сохранить водопровод. Его сотрудники забастовали в ответ на большевистский переворот, пригласили его. Он ответил: "с технической стороны я, простите, не бастую. А в остальном... в остальном я, ну да, бастую". Он принял для бастующих деньги от стачечной комиссии, выдал расписку, но сам побежал добывать муфту для испортившейся трубы».

Сохранились сведения, что Владимира Ольденборгера принимал сам глава молодого советского государства В.И. Ленин и даже назвал его «наш комиссар воды». Однако это почетное звание не спасло инженера от репрессий. Вина, а вернее беда, Ольденборгера состояла в том, что он был непролетарского происхождения и не состоял в коммунистической партии. Но и это не главное! Ужас его положения заключался в абсолютном, непререкаемом авторитете, который он имел у рабочих и служащих завода. Плюс ко всему его принципиальный, негибкий характер. Среди заводчан он носил почетное прозвище – «Дед». Ну, как так такой Дед мог ужиться с новыми зубастыми бездельниками с пустыми головами, партбилетом в карманах и вызубренной демагогической риторикой большевистских приживал? Конечно, он был обречен.